

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

ХРАМИК НАД ГЛАВНЫМИ ВОРОТАМИ ЭСКИ-КЕРМЕНА И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ НАДВРАТНЫХ ЦЕРКВЕЙ

В своей недавней статье Н. В. Днепровский [2] высказал ряд важных замечаний относительно церковных сооружений в районе южных, главных ворот городища Эски-Кермен¹. При этом значительная часть его интерпретаций и гипотез вызывают у нас возражение. Их разбору (а также критике предположений Вл. В. Седова [9] о надвратных храмах в Византии) и будет посвящена настоящая заметка.

Во-первых, Н. В. Днепровский опубликовал фрагмент неизданной монографии Е. В. Веймарна и М. Я. Чорефа [2, с. 152], где они, скорректировав выводы Н. И. Репникова о существовании в Эски-Кермене одной надвратной часовни, верно отметили существование скальных оснований двух зальных храмиков: над воротами и к западу от первого (рис. 1-2). От первого сохранилась только апсида в восточном откосе ворот, но она не совпадает с наосом западного храмика ни по оси, ни по высоте (даже с учетом возможного поднятия алтарной части) [2, с. 149-150]. Отождествить последний как отдельный храм позволяют остатки апсиды и следы алтарной преграды. Также не вызывает сомнений интерпретация Н. В. Днепровским закругленной ниши в восточной части его северной стены [2, рис. 11, 15] как протесиса (она была глубже, так как часть ее находилась в разрушившейся кладке северной стены, от которой под нишей видна постель). Пользуясь нашей типологией [см.: 1, с. 75], исследователь датирует этот протесис, а вместе с ним и весь храмик XII-XIII вв.

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X-XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году. Автор благодарит за помощь в работе над статьей Д. Д. Ёлшина, Д. В. Каштанова, Б. Кляйна, К. Крюгер, С. Мамалукоса, А. Н. Трушникову и В. Н. Чхаидзе.

Во-вторых, исследователь указал на большую вероятность того, что храмик над воротами покоился не на деревянных балках, а на каменном своде. Действительно, зона сохранившихся пазов под балки соответствует по ширине, скорее, боевой площадке или другой конструкции перед надвратной башней, чем храмику [см.: 2, с. 152]. Соответственно, и сам храмик был скорее каменным, чем деревянным, как полагали Е. В. Веймарн и М. Я. Чореф. Однако совершенно невозможно согласиться с основанной на символических спекуляциях гипотезой Н. В. Днепровского, что храмик над воротами и надвратная башня сосуществовали одновременно, так как нахождение первого перед лицевой стеной второй полностью лишило бы ее оборонительной функции (ср. также ниже, о Халки, Сирменах и Пернике). К тому же, сам исследователь датирует возникновение церковного комплекса с данным храмиком IX в., когда башня, по общему мнению, уже была разобрана. Поэтому нет никаких оснований для отказа от традиционной точки зрения, что храмик над воротами был сооружен после разбора – вместе с другими крепостными сооружениями Эски-Кермена (впрочем, Н. В. Днепровский безосновательно отрицает и это) – надвратной башни.

После открытия храма к западу от надвратного Н. В. Днепровский совершенно закономерно поставил вопрос об их хронологическом соотношении. Однако решает он его в рамках своей – как мы видели выше, малоосновательной – гипотезы о сосуществовании надвратных башни и храма и, соответственно, возможности входа в него с севера. Поскольку же такого, как мы видели, быть не могло и вход в надвратный храмик вел, соответственно, только с запада, то две этих церкви не могли функционировать одновременно – иначе в надвратный храмик пришлось бы попадать из алтаря западного, который относится к XII-XIII вв. (см. выше), т.е. к последнему этапу существования Эски-Кермена. Сохранившаяся на высоту чуть менее 1 м скальная стена апсиды надвратного храма не несет на себе следов ниши протесиса, так что хронологическое соотношение церквей остается выявлять не литургически, а из архитектурной эволюции комплекса ворот: либо надвратный храмик появился после оставления западного, либо, наоборот, последний был вырублен после гибели первого. Второе предположение представляется нам более обоснованным по следующим причинам: храмик на западной площадке расположен ниже надвратного; его северная стена несет на себе следы вписывания в существующий комплекс; а главное, раскопками зафиксирована его западная и южная стены [2, с. 154], которые должны были бы быть разобраны при уничтожении западного храма.

Поэтому вся хронология развития надвратного комплекса реконструируется, на наш взгляд, следующим образом. На первой, ранневизантийской стадии над вырубленным в скале проемом ворот сооружается оборонительная башня, возможно, с боевой площадкой перед ней. На второй стадии, видимо, при хазарах, башня разбирается, а на месте возможной боевой площадки сооружается надвратный храмик – последнее логичнее датировать временем после восстановления византийской власти в Горном Крыму в 840-е гг. (ср. также ниже). Наконец, после того, как этот надвратный храмик почему-то разрушился, к западу от него в XII-XIII вв. был сооружен

аналогичный по размеру и просуществовавший до гибели городища в конце XIII в. храмик с усыпальницей. Последняя вводит его в комплекс других церковных погребальных сооружений у главных ворот, развивающийся с VIII-IX вв.

Но главное, что вызывает возражение в статье Н. В. Днепровского, – это его интерпретация всего комплекса храмов, склепов и других пещер у главных ворот Эски-Кермена как общежительного монастыря студийского устава. Притом интерпретация эта основана преимущественно на не имеющих к Эски-Кермену отношения гипотезах из статьи М. М. Никитенко [6], которая посвящена разделу Алексеевско-Студийского устава «О странноприимцах». Киевская исследовательница, чью работу Н. В. Днепровский считает «выдающимся явлением в современной церковной археологии» [2, с. 158], постулирует существование у студитов церкви «вблизи монастырских ворот или же над ними, так как вход в нее предшествовал входу в монастырь... Только после того, как прошедшие монастырскими воротами помолются в церкви, двое ранее сопровождавших их привратников берут часть из них и ведут в монастырь, а оставшиеся в церкви «о себе свою молитву исполняют»» [6, с. 270-271]. Отсюда, а также из наличия других храмов у главных ворот Эски-Кермена, Н. В. Днепровский выводит превращение в IX в. комплекса главных ворот городища в обитель студийского устава, а самих ворот – в монастырские.

Что же на самом деле сказано в соответствующем разделе Студийско-Алексеевского типикона? Дадим вначале наш перевод этого фрагмента по самому авторитетному изданию А. М. Пентковского [7, с. 387-388]: «О принимающих гостей. Нельзя обойти упоминанием и должность тех, кто сидит спереди и смотрит за входящими и выходящими [из монастыря]. Ведь у тех ворот, где входят гости, как и подобает по закону, следует стоять старым и целомудренным мужам, о которых все [положительно] свидетельствуют и которые ни благоговейным монахам не дают выходить из монастыря без указания игумена, но удерживают всячески тех, слушающихся их знака, ни другим не дают и, что бы ни случилось, не разрешают войти. Но с подобающим вниманием, как мы говорили выше и скажем снова, пусть будут постоянно трое, которые должны сидеть рядом и охранять входы и выходы, а именно первый странноприимец, за ним же два других, и еще один во внешних [воротах]. Он постоянно следит за своей службой, никоим образом от нее не отвлекаясь и тем, кто являются странноприимцами, возвещая о приходе посетителей, чтобы спросили о них, упомянув, у игумена, а также у монахов, если кто-то к кому-то [из тех] придет. Эти трое, сидя, пусть не тратят время зря, но то учат песни божественного Давида, то питают свою душу от других книг. Когда же в церкви устраивается синаксис [т.е. соборное богослужение], один из них пусть остается у ворот, а двое пусть идут и принимают участие в том синаксисе, а оставшийся в одиночестве пусть творит про себя молитву».

Как мы видим, здесь нет речи ни о какой церкви у ворот, но говорится о монастырском храме, куда на «соборное», т.е. общее богослужение должны уходить двое из трех монахов-привратников, ответственных за прием гостей (так как во время си-

накиса гостей не принимают). Соответственно, студийский устав не подразумевает никакой церкви «вблизи монастырских ворот или же над ними». Кроме того, вероятно, что первый храм у ворот Эски-Кермена, «Судилище», возник еще до VIII в. [1, с. 74]. Таким образом, нет никакой необходимости связывать с монастырем ни весь комплекс у главных ворот Эски-Кермена, который с VIII-IX вв. стал превращаться в погребальную зону, ни сам надвратный храмик. Но какое место занимают надвратные церкви в архитектуре средневекового христианского мира, и каковы их функции?

На западе Европы самым ранним примером надвратного храма можно было бы считать капеллу в Лорше (ок. 900 г.), расположенную над тремя арочными проходами, однако раскопки показали, что она никогда не была частью стены [13, S. 23-24]. Нельзя отнести к надвратным храмам и церковь св. Симеона в Трире, встроенную вскоре после 1035 г. в римские ворота *Porta nigra*, где жил прп. Симеон: при сооружении храма проемы ворот были заложены, а рядом были сооружены новые ворота св. Симеона [19]. В Западной Европе, с одной стороны, известны небольшие храмы над западным порталом храма (например, в Сан-Пьетро-ин-Ватикано, Ключи II, Сен-Филибере в Турнюсе). С другой стороны, настоящие надвратные храмы, возможно, под влиянием вышеописанных, появляются только в начале XII в. в Германии. Самый ранний известный нам пример – капелла св. Михаила над внутренними воротами монастыря в Гросскомбурге (ок. 1125 г.) [20, S. 123]. С середины XII в. церкви появляются и над оборонительными воротами замков и дворцов (например, в Донауштауфе, Гельнхаузене, Вильденберге, Хагенау, Трифельсе, Мюнценбурге) [12, S. 202-203]. Таким образом, феномен надвратных храмов появляется в Западной Европе, а точнее – в Германии, не ранее начала XII в.

Главной областью распространения надвратных церквей считается домонгольская Русь. Здесь они воздвигаются как на городских воротах (храмы Благовещения на Золотых воротах в Киеве (ок. 1037 г.), св. Феодора в Переяславле Русском (1089 г.), Ризоположения на Золотых воротах (1164 г.) и свв. Иоакима и Анны в детинце (1196 г.) во Владимире на Клязьме, две церкви в Черниговском детинце (вторая половина XII – начало XIII вв.), Положения Пояса Богородицы (1195 г.) и св. Феодора (1233 г.) в Новгородском детинце), так и на монастырских (Троицкая церковь Печерской лавры (ок. 1106 г.), в Михайловском Златоверхом (последняя четверть XII в.) и, возможно, Феодоровском (на ул. Владимирской, 3) [5] монастырях в Киеве, в Спасском монастыре в Смоленске [их обзор см.: 9; 10, с. 168-175]). Но важно отметить, что впервые они появляются именно на городских воротах (Золотые ворота в Киеве). Типологически сохранившиеся, полностью или частично, храмы делятся на две группы: типа вписанного креста на четырех столпах (например, Троицкая церковь Печерской лавры) и бесстолпные, с куполом над квадратом (например, в Михайловском Златоверхом монастыре).

Наконец, сложному вопросу о надвратных храмах в Византии посвящена обширная пионерская статья Вл. В. Седова [9] (с которой Н. В. Днепровский не знаком). Приведя достаточно большое количество письменных и материальных свидетельств,

он постулирует широкое распространение надвратных церквей во всем византийском мире, а также символический, «иерусалимский» характер таких храмов. Его выводы были подвергнуты основательной критике в новейшем исследовании А. В. Трушниковой [10, с. 176-182], к чьим критическим замечаниям мы присовокупим ниже и свои.

Сперва Вл. В. Седов приводит упоминание в «Слове о положении Ризы Богоматери во Влахернах» Феодора Синкелла (или Псевдо-Феодора) в связи с событиями 619 г. «храма Богородицы, который называется «Иерусалимом» и лежит внутри ворот, именуемых «Золотыми» по работе». Хотя никаких археологических следов храма в комплексе константинопольских Золотых ворот не обнаружено, исследователь считает возможным его существование у ворот или даже над ними. Однако греческое *ἐνδὸν τῆς πύλης* означает не «внутри здания ворот», а «за воротами, внутри стены» (ср. *Cebetis tabula* 6, 1; *Justinianus. Novellae* 159; *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis* I, 39, 50, 61). Действительно, Р. Жанен [21, р. 259], на которого ссылается и сам Вл. В. Седов, помещает этот храм в квартале, примыкающем к Золотым воротам и городской стене.

Затем исследователь приводит место у Льва Диякона (*Historia* 9, 4): «проник через калитку, находившуюся под храмом святого Фоки, в город», считая его ясным указанием на надвратный храм. Однако, во-первых, речь идет не о воротах, а о «некой дверце» (*τινὸς πυλίδος*), не имеющей даже собственного имени. Во-вторых, выражение «под храмом святого Фоки» (*ὕπὸ τὴν τοῦ ἁγίου Φωκά... ἐστίαν*) может быть понято по-разному: и как свидетельство нахождения потерны в субструкциях храма, и как указание на то, что калитка находилась ниже храма св. Фоки, который был расположен на возвышающемся над городом Акрополе. В любом случае, нельзя считать это однозначным свидетельством существования надвратного храма.

Далее Вл. В. Седов упоминает, что «над воротами с южной стороны города, известными под турецким названием Индшили-киоск, возвышался храм Христа Филантропа». Но здесь опять содержится ряд некорректных утверждений. Во-первых, Р. Жанен [21, р. 526-527], на которого тут Вл. В. Седов снова дает ссылку, прямо говорит о том, что отождествление Инджили-кёшкю с монастырем Филантропа уже давно отвергнуто. Во-вторых, в субструкциях храма, относящихся, к тому же, вероятно, к палеологовскому времени, нет никаких ворот [25, S. 109, Abb. 91].

Исследователь трактует как надвратный и храм св. Иоанна Богослова, упомянутый Продолжателем Феофана (*Chronographia* 6, 90): «у самых одностворчатых ворот стоит прелестнейшая часовня Иоанна Богослова». Не удовлетворяясь переводом Я. Н. Любарского «у самых ... ворот» [8, с. 140], на самом деле, корректно отражающим греческое *κατ' αὐτήν ... εἵσοδον* (хотя слово *εἵσοδος* может обозначать, конечно, и калитку), Вл. В. Седов приводит кажущийся ему более точным английский перевод С. Манго: «at the very gate» [23, р. 199], который он, в свою очередь, передает по-русски почему-то как «на воротах», хотя, в действительности, это тоже «у самых ворот». Очевидно, что речь здесь идет об обычном храме около ворот.

Еще один надвратный храм в ограде Большого императорского дворца в Константинополе Вл. В. Седов отыскивает в «Псамафийской хронике» (Vita Euthymii 7): «через Слоновые ворота, где основана часовня Св. мученика Афиногена». Даже русский перевод «где» не дает возможности однозначно утверждать, что храм был на воротах, греческий же оригинал $\tau\acute{\upsilon}\lambda\eta$, ἐν ᾗ дает еще больший простор для интерпретаций: храм мог стоять на воротах, быть встроен в них или даже находиться около них. Так, Р. Жанен помещает храм св. Афиногена à la porte «у ворот» [21, p. 11].

Наконец, еще одну надвратную церковь столицы Вл. В. Седов обнаружил у Манганского монастыря: она должна была находиться над субструкцией с апсидой. Однако в издании раскопок, на которое ссылается исследователь, прямо сказано, что апсида с конхой есть и в самой этой раскопанной структуре, а найденные в ней на полу кубики золотой смальты однозначно указывают на существование здесь небольшого храма, вероятно, Богородицы; кроме того, у нее есть собственная субструкция [17, p. 35, fig. 43]. На опубликованном разрезе хорошо видно, что над этой структурой нет никаких стен, а конха апсиды выражена и снаружи, что исключает постановку на нее другой апсиды.

А. В. Трушникова ставит под сомнение и существование церкви над воротами Халки Большого императорского дворца, опираясь на не известное Вл. В. Седову исследование С. Манго [24, p. 149-169], который отождествляет с ней двухъярусный средневизантийский купольный храм, служивший в османское время зверинцем («Арсланхане») и просуществовавший до 1804 г. Однако против такого предположения говорит как имя этого храма в источниках (Св. Иоанн или Св. Фока), которое больше соответствует Св. Иоанну в Дииппии [см.: 26], так и прямое указание византийских авторов, что Халкинская церковь была построена ἄνωθεν τῆς ἀψίδος τῆς Χάλκης «над сводом [ворот] Халки» (Georgius Cedrenus. Compendium historiarum II, 413; Micael Glycas. Annales 574). В пользу этого говорит и упоминание узкой витой лестницы у первого храма, построенного императором Романом I Лакапином (Leo Diaconus. Historia 8, 1): она явно была втиснута в существующую ранневизантийскую структуру ворот.

В этом храме, «таком маленьком, что видно престол» (Patria Constantinopolitana III, 213), перекрытия опирались на две рельефные колонны: такая форма крестовокупольного храма, с двумя, вероятно, западными колоннами, могла быть продиктована необходимостью вместить наос и апсиды в квадратное пространство. Храм был перестроен в 971 г. императором Иоанном Цимисхием, увеличившим его размеры и освещенность (Leo Diaconus. Historia 8, 1): старые рельефные колонны, судя по упоминанию патриографа, сохранялись в новом храме, который, соответственно, также был колонным. Халкинскую церковь Иоанн превратил в храм-реликвиарий (наподобие Фаросского храма Богородицы в том же дворце) и свою усыпальницу (ср. многочисленные погребения у ворот Эски-Кермена, в т.ч. и в храмике к западу от надвратного). К сожалению, недавно раскопанные основания ворот Халки не дают нам представления о форме храма, однако ширина пролета ворот, около 7,5 м, пока-

зывает, что он имел большие размеры, а также был ориентирован поперек прохода ворот [18] (рис. 3).

Итак, для Константинополя мы можем утверждать существование лишь одного надвратного храма – над воротами Халки («Медными», т.е. бронзовыми) Большого императорского дворца. Его влияние на древнерусские надвратные церкви исключать нельзя, особенно на киевскую церковь на Золотых воротах и, возможно, на надвратный храм Федоровского монастыря, с поставленными на античный манер колоннами у углов здания и краев прохода. Однако в надвратных церквях домонгольской Руси мы не видим ни посвящения Христу, ни функции храма-реликвария (в отличие от германских примеров XII в. [12, S. 203]). Ввиду несостоятельности предположения о константинопольском храме «Иерусалим» как о надвратном (см. выше), нет оснований говорить и об иерусалимской символике надвратных церквей. Вероятно, с точки зрения иеротопии, «часовня над воротами или у ворот ... почти одно и то же» [9, с. 20], однако с точки зрения архитектуры, это два весьма различных по своей структуре объекта. Нет никаких надвратных храмов и в изображениях Иерусалима на миниатюрах, как до Вл. В. Седова предполагал еще А. М. Лидов [22, р. 343-344]: и в Хлудовской псалтири, и в Ахпатском евангелии, приводимыми ими как примеры этого феномена, представлена церковь за воротами (хорошо виден верх городской стены), а не над ними.

Не многим убедительней выглядят и приведенные Вл. В. Седовым византийские провинциальные параллели в виде сохранившихся надвратных храмов. Так, он датирует поздневизантийским периодом надвратный храм св. Иоанна в Великой лавре на Афоне, однако он относится скорее к поствизантийскому времени [см.: 27], как и надвратные храмы в афонском Кастамоните и Благовещенском монастыре на о. Скиафос, которые цитируемый Вл. В. Седовым А. Орландос приводит как примеры надвратных монастырских церквей [28, с. 20 (у Седова ошибочно – 80)]. Нельзя, вслед за Вл. В. Седовым, отнести к надвратным две церкви XIII-XIV вв. – свв. Архангелов в Бачковском монастыре в Болгарии и св. Николая в Гелатском монастыре в Грузии: обе они стоят не над воротами (к бачковскому храму примыкают не ворота, как может показаться на приводимом плане, а построенная в 1604 г. церковь Богородицы [см.: 11, с. 119]), а над не связанной со стеной субструкцией, прорезанной арками со всех сторон. Субструкции церкви Сурб Аствацацин XI в. в армянском Татеве состоят из двух помещений, одно из которых – зальный храм, а другое – не ворота (единственные ворота комплекса располагаются с севера), но проход в своеобразную лоджию, типичную для этого памятника [см.: 16, р. 416-420]. Не является надвратной и церковь в юго-западном углу монастыря Осиос Лукас в Фокиде, в субструкциях которой нет сквозного прохода.

Таким образом, единственным адекватным балканским примером можно считать только храм № 5 в Пернике конца XI – начала XII вв., под которым шел проход от крепостных ворот к главной улице города [11, с. 123, 126, 130]. Точная форма надвратной церкви не известна, но, вероятно, она была купольной (рис. 4). Отметим, что

здесь, как и на Эски-Кермене и в Сирменах (см. ниже), проход в нижнем ярусе идет поперек оси храма, однако такая ориентация связана скорее с местоположением здания, а не с архитектурной традицией: так, на Руси мы видим и продольную (в большинстве надвратных храмов), и поперечную ориентацию (в киевских Михайловском Златоверхом и Федоровском (?) монастырях).

Наиболее интересной из всех параллелей нам представляется комплекс Бузлуджа Кале (Джанаер) в 30 км к востоку от Трапезунта, где известен даже не один (как пишет Вл. В. Седов), а два надвратных храма: над северными и южными воротами. В обоих случаях это простые зальные церкви (рис. 5), похожие на надвратный храм Эски-Кермена, но при этом южная была украшена наборным полом. Весь комплекс представляет собой не крепость, как считает Вл. В. Седов вслед за старой публикацией Э. Браера и Д. Винфилда [14, р. 328-329], а Халдский монастырь Спасителя в Сирменах, основанный отцом Иоанна Халда, дуки Халдии, в середине IX в., как показали позднее Э. Браер и Дж. Кроу [15, р. 283-286]. Его октаконхимальному кафоликону близок по типу октагон расположенного неподалеку монастыря (?) Варзахан близ Байбурта, где также известна надвратная церковь X–XI вв., расположенная вдоль ворот, близкого к квадратному плану, с разделанной сложно профилированными нишками апсидой [14, р. 355] (рис. 6).

Итак, генезис надвратных храмов в восточнохристианском мире, намного менее многочисленных, чем представляется Вл. В. Седову, можно реконструировать следующим образом. Почти одновременно, во второй половине IX – первой половине X вв. вдруг появляются сразу три таких церкви, причем в трех разных локациях: над воротами Халки Большого императорского дворца в Константинополе (920-944 гг., перестроен в 971 г.); над двумя воротами монастыря в понтийских Сирменах (конец IX – X вв.); и над воротами соседнего Варзахана (X–XI вв.); над городскими воротами Эски-Кермена в Крыму (вторая половина IX – X вв.). Нельзя исключать, что в трех последних случаях имело место подражание престижному Халкинскому храму, хотя здесь мы видим скромные зальные церкви (Халкинский храм имел, по всей видимости, форму вписанного креста на четырех колонках). На Эски-Кермене выбор плана исходил из возможностей рельефа и местной строительной традиции: почти все средне- и поздневизантийские храмы Эски-Кермена – зальные (кроме двух храмов на подъемной дороге у главных ворот). В Сирменах и Варзахане храмы занимают всю толщину ворот, не имевших военно-оборонительной функции, а на Эски-Кермене надвратная церковь возникает после разборки оборонительной башни и стоит у ее лицевого фасада.

Во второй четверти XI в. строится церковь Благовещения над Золотыми воротами города Ярослава в Киеве, которая становится образцом для храмов над воротами городов и детинцев в Переяславле, Владимире, Чернигове и Новгороде. Около 1106 г. возводится Троицкий храм над воротами Киево-Печерской лавры, которому, возможно, подражают церкви XII в. в киевских Михайловском Златоверхом и Федоровском (?) и смоленском Спасском монастырях. Все они, вероятней всего, были ку-

польными. Наконец, в конце XI – начале XII вв. строится еще один купольный храм над городскими воротами – в находившемся под византийской властью болгарском Пернике: здесь он прислонен изнутри к воротам оборонительной стены, и их проем продолжается под ним.

Вполне возможно, что в Крыму существовали и другие надвратные храмы, типологически близкие небольшим церквям в башнях (ср., например, храм в башне Сюреньской крепости). Именно такой традицией можно объяснить появление в 1459 г. зальной надвратной церкви в крепости Фуна (с продольной ориентацией наоса; рис. 6), перестроенной из воротной башни и снабженной богато орнаментированной метрической надписью с гербами. Однако о прямом подражании эски-керменскому храму здесь не может быть и речи, так как последний погиб раньше конца XIII в. (см. выше). Кроме того, надвратный храм в Фуне построен, судя по всему, армянскими мастерами [3; 4, с. 153-183]. Таким образом, в Фуне мы видим соединение местной, византийской по происхождению традиции надвратных церквей (но не кавказской или балканской традиции двухъярусных погребальных церквей, как считает В. П. Кирилко) с армянской архитектурой Крыма.

Возвращаясь, наконец, к вопросу о функции храма над главными воротами Эски-Кермена, следует вспомнить, что он был сооружен после разбора их оборонительных сооружений. Не имели военно-оборонительной функции и другие византийские надвратные церкви: возникшие одновременно с ними храм над воротами Халки Большого императорского дворца в Константинополе и храмики над воротами Халдского монастыря в понтийских Сирменах и Варзахане, равно как и чуть более поздняя церковь № 5 в болгарском Пернике (прислонена к оборонительной стене с внутренней стороны). Лишенные оборонительных функций, но включенные в ограду того или иного жилого комплекса, они должны были, очевидно, символизировать божественную защиту живущих внутри (подобно надвратным иконам, как на тех же воротах Халки) и одновременно освящать проходящих под ними (ср. надвратные храмы-реликварии над Халки и в Германии). Такую функцию можно обозначить и как апотропеическую: надвратные храмы не должны дать злу проникнуть за ворота. Ту же роль, вероятно, должна была играть и сменившая эски-керменский надвратный храмик привратная церковь к западу от него. В двух случаях (Халки и Эски-Кермен) прослеживается также связь надвратного храма с погребальным комплексом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72-80.
2. Днепровский Н.В. Культовый комплекс у Южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. Вып. III. С. 143-186.
3. Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 62-73.
4. Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475 гг.). Киев: Стилос, 2005.

5. Комар О.В. «Дохристиянська» монументальна архітектура Старокиївської гори (проблеми датування та атрибуції) // *Opus Mixtum*. 2013. № 1. С. 106-121.
6. Никитенко М.М. Символико-функциональная роль надвратных храмов древнего Киева // *Сугдейский сборник*. 2005. Вып. II. С. 265-275.
7. Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Издательство Московской патриархии, 2001.
8. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб.: Наука, 1992.
9. Седов Вл.В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // *Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств*. М.: Индрик, 2009. С. 544-584.
10. Трушников А.В. Тип бесстолпного храма в архитектуре Древней Руси и Византии XI-XV вв.: дис. ... канд. иск. СПб., 2016.
11. Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI-XIV век. София: Издателство на Българската академия на науките, 1988.
12. Arens F. Staufische Pfalz- und Burgkapellen // *Die Burg im deutschen Sprachraum* / Hrsg. von H. Patze. Bd. 1 (Vorträge und Forschungen; 19). Sigmaringen: Thorbecke, 1976. S. 99-210.
13. Behn F. Die Ausgrabungen im Kloster Lorsch // *Zeitschrift für Denkmalpflege*. 1928. Bd. 3. S. 20-35.
14. Bryer A., Winfield D. The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Vol. I. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985.
15. Crow J., Bryer A. Survey in Trabzon and Gümüşhane Vilayets, Turkey, 1992-1994 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1997. Vol. 51. P. 283-289.
16. Cuneo P. et alii. Architettura armena. Roma: De Luca, 1988.
17. Demangel R., Mamboury E. Le quartier des Manges. Paris: De Broccard, 1939.
18. Girgin Ç. La porte monumentale trouvée dans les fouilles près de l'ancienne prison de Sultanahmet // *Anatolia Antiqua*. 2008. Vol. 16. P. 259-290.
19. Goethert K.-P. Porta Nigra // Goethert K.-P., Weber W. *Römerbauten in Trier*. Regensburg: Schnell und Steiner, 2003. S. 23-57.
20. Gradmann E. Die Kunst- und Altertums-Denkmäler der Stadt und des Oberamtes Schwäbisch-Hall. Esslingen: Neff, 1907.
21. Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969.
22. Lidov A. Heavenly Jerusalem: the Byzantine approach // *Jewish Art*. 1997/1998. Vol. 23/24. P. 340-353.
23. Mango C. The Art of the Byzantine Empire. 312-1453. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1986.
24. Mango C. The Brazen House: a study of the vestibule of the imperial palace of Constantinople. Copenhagen: Munksgaard, 1959.
25. Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion – Konstantinupolis – Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts. Tübingen: Wasmuth, 1977.
26. Westbrook N.B. The Freshfield Folio View of the Hippodrome in Istanbul and the Church of St. John Diippion // *Byzantina Australiensia*. 2011. Vol. 17. P. 231-262.
27. Βογιάτζης Σ. Στοιχεία για την οικοδομική ιστορία της Ι. Μονής. Μεγίστης Λαύρας του Αγίου Όρους. Το σύμπλεγμα της εισόδου // *Δελτίον Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*. 2000. Τ. 21. Σ. 55-68.
28. Όρλάνδος Α. Κ. Μοναστηριακή αρχιτεκτονική. Αθήνα: Εστία, 1927.

REFERENCES

1. Vinogradov A.Yu., Gaidukov N.E., Zheltov M.S. Peshchernye khramy Tavriki: k probleme tipologii i khronologii. *Rossiiskaia arkheologiya*, Moscow, 2005, N 1, pp. 72-80.
2. Dneprovskii N.V. Kul'tovyi kompleks u Iuzhnykh vorot Eski-Kermenta. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2015, vol. III, pp. 143-186.
3. Kirilko V.P. Nadvratnaia tserkov' srednevekovogo ukrepleniia Funa. Datirovka i atributsiia. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII-XVI vekakh*, Rostov-na-Donu, 1989, pp. 62-73.
4. Kirilko V.P. *Krepostnoi ansambl' Funy (1423-1475 gg.)*. Kiev, Stilos Publ., 2005.
5. Komar O.V. «Dokhristians'ka» monumental'na arkhitektura Starokiivs'koï gori (problemi datuvannia ta atributsii). *Opus Mixtum*, 2013, N 1, pp. 106-121.
6. Nikitenko M.M. Simvoliko-funktsional'naia rol' nadvratnykh khramov drevnego Kiev. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, vol. II, pp. 265-275.
7. Pentkovskii A.M. *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi*. Moscow, Moskovskaia patriarkhiia Publ., 2001.
8. *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei*. S-Petersburg, Nauka Publ., 1992.
9. Sedov V.I. Novyi Ierusalim v nadvratnykh khramakh Vizantii i Drevnei Rusi. *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv*. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 544-584.
10. Trushnikova A.V. *Tip besstolpnogo khrama v arkhitekture Drevnei Rusi i Vizantii XI-XV vv. Kand. diss.* S-Petersburg, 2016.
11. Chaneva-Dechevska N. *Ts'rkovnata arkhitektura v B'lgarii prez XI-XIV vek*. Sofiia, B'lgarskata akademiia na naukite Publ., 1988.
12. Arens F. Staufische Pfalz- und Burgkapellen. Patze H. (Ed.), *Die Burg im deutschen Sprachraum*, Bd. 1 (Vorträge und Forschungen; 19), Sigmaringen, Thorbecke Publ., 1976, pp. 99-210.
13. Behn F. Die Ausgrabungen im Kloster Lorsch. *Zeitschrift für Denkmalpflege*, 1928, Bd. 3, pp. 20-35.
14. Bryer A., Winfield D. *The Byzantine monuments and topography of the Pontos, vol. I*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985.
15. Crow J., Bryer A. Survey in Trabzon and Gümüşhane Vilayets, Turkey, 1992-1994. *Dumbarton Oaks Papers*, 1997, vol. 51, pp. 283-289.
16. Cuneo P. et alii. *Architettura armena*. Roma, De Luca Publ., 1988.
17. Demangel R., Mamboury E. *Le quartier des Manges*. Paris, De Boccard Publ., 1939.
18. Girgin Ç. La porte monumentale trouvée dans les fouilles près de l'ancienne prison de Sultanahmet. *Anatolia Antiqua*, 2008, vol. 16, pp. 259-290.
19. Goethert K.-P. Porta Nigra. Goethert K.-P., Weber W. *Römerbauten in Trier*, Regensburg, Schnell und Steiner Publ., 2003, S. 23-57.
20. Gradmann E. *Die Kunst- und Altertums-Denkmäler der Stadt und des Oberamtes Schwäbisch-Hall*. Esslingen, Neff Publ., 1907.
21. Janin R. *La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères*. Paris, 1969.
22. Lidov A. Heavenly Jerusalem: the Byzantine approach. *Jewish Art*, 1997/1998, vol. 23/24, pp. 340-353.
23. Mango C. *The Art of the Byzantine Empire. 312-1453*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall Publ.,

1986.

24. Mango C. *The Brazen House: a study of the vestibule of the imperial palace of Constantinople*. Copenhagen, Munksgaard Publ., 1959.
25. Müller-Wiener W. *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion – Konstantinupolis – Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts*. Tübingen, Wasmuth Publ., 1977.
26. Westbrook N.B. The Freshfield Folio View of the Hippodrome in Istanbul and the Church of St. John Diippion. *Byzantina Australiensia*, 2011, vol. 17, pp. 231-262.
27. Βογιάτζης Σ. Στοιχεία για την οικοδομική ιστορία της Ι. Μονής. Μεγίστης Λαύρας του Αγίου Όρους. Το σύμπλεγμα της εισόδου. *Δελτίον Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*, 2000, Τ. 21, σ. 55-68.
28. Όρλάνδος Α.Κ. *Μοναστηριακή ἀρχιτεκτονική*. Αθήνα, Εστία Publ., 1927.

Виноградов А. Ю.

**Храмик над главными воротами Эски-Кермена и средневековая традиция над-
вратных церквей**

Резюме

Статья посвящена зальному храму над южными воротами Эски-Кермена. Он возникает после разбора надвратной башни и заменяется в XII–XIII вв. примыкающим к нему с запада храмиком. Нет оснований, как Н. В. Днепроvский, относить его к монастырю студийского устава. Надвратные храмы в Западной Европе появляются в начале XII в., а на Руси – в середине XI в. В Византии их меньше, чем считает Вл. В. Седов: практически одновременно с данным храмом появляются храмы над дворцовыми воротами Халки в Константинополе и над двумя воротами монастыря в понтийских Сирменах, с апотропеической функцией.

Ключевые слова: Эски-Кермен, надвратные храмы, Константинополь, Понт, домонгольская Русь.

A. Yu. Vinogradov

**A Small Church over the Main Gate of Eski-Kermen and the Mediaeval Tradition of
Gate Churches**

Summary

This paper discusses a hall church located over the southern gate of Eski-Kermen. It was built when the gate tower was dismantled, and was replaced in the twelfth or thirteenth century by a chapel adjoining it from the west. Against N. V. Dneprovsky, there is no reason to attribute it to a Studite monastery. Gate churches appeared in Western Europe in the early twelfth century, and in Rus in the mid-eleventh century. Against V. V. Sedov, in Byzantium they are less in number; the Eski-Kermen chapel was almost simultaneous to the churches over the Chalke gate in Constantinople and over two gates of the monastery in Syrmaina in the Pontos, with apotropaical function.

Keywords: Eski-Kermen, gate churches, Constantinople, Pontus, pre-Mongol Rus.

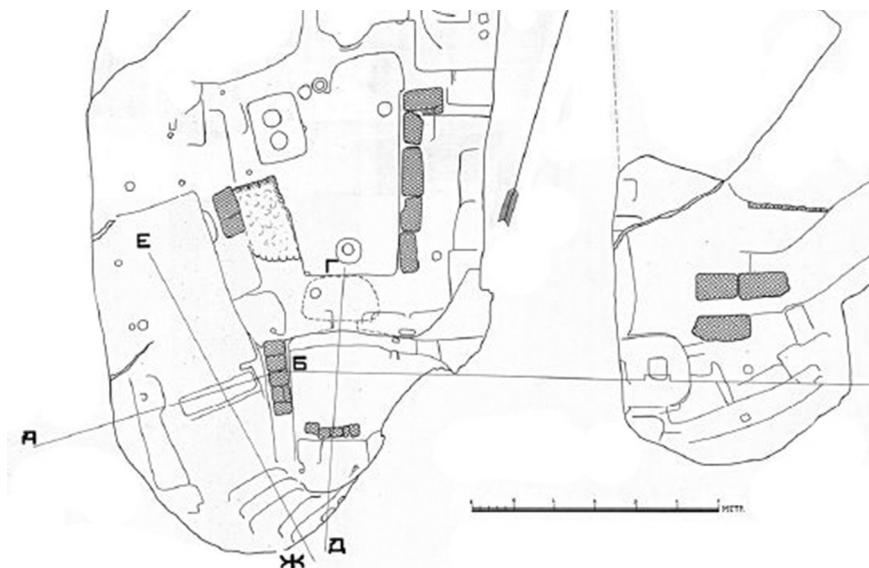

Рис. 1. План поверхности скалы с надвратными храмами у южных ворот Эски-Кермена по материалам Эски-Керменской экспедиции [по: 2, рис. 2].

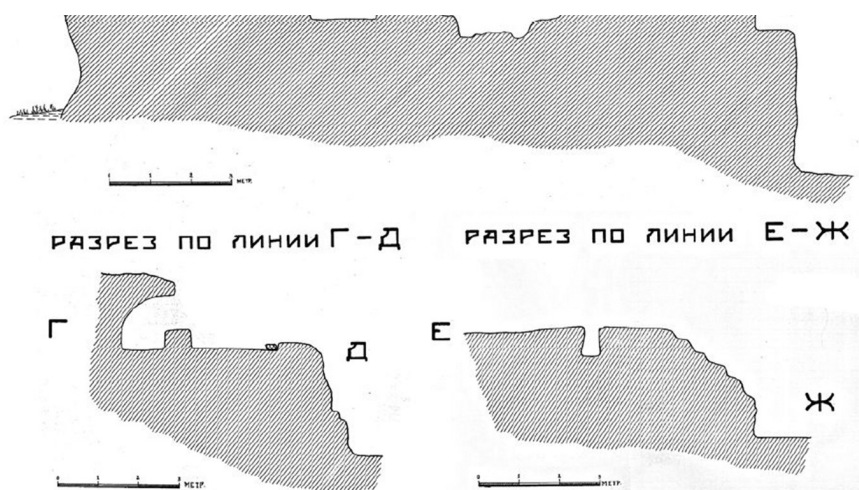

Рис. 2. Разрезы поверхности скалы с надвратными храмами у южных ворот Эски-Кермена по материалам Эски-Керменской экспедиции [по: 2, рис. 3].

Рис. 3. План раскопок ворот Халки Большого императорского дворца в Константинополе [по: 18, р. 268].

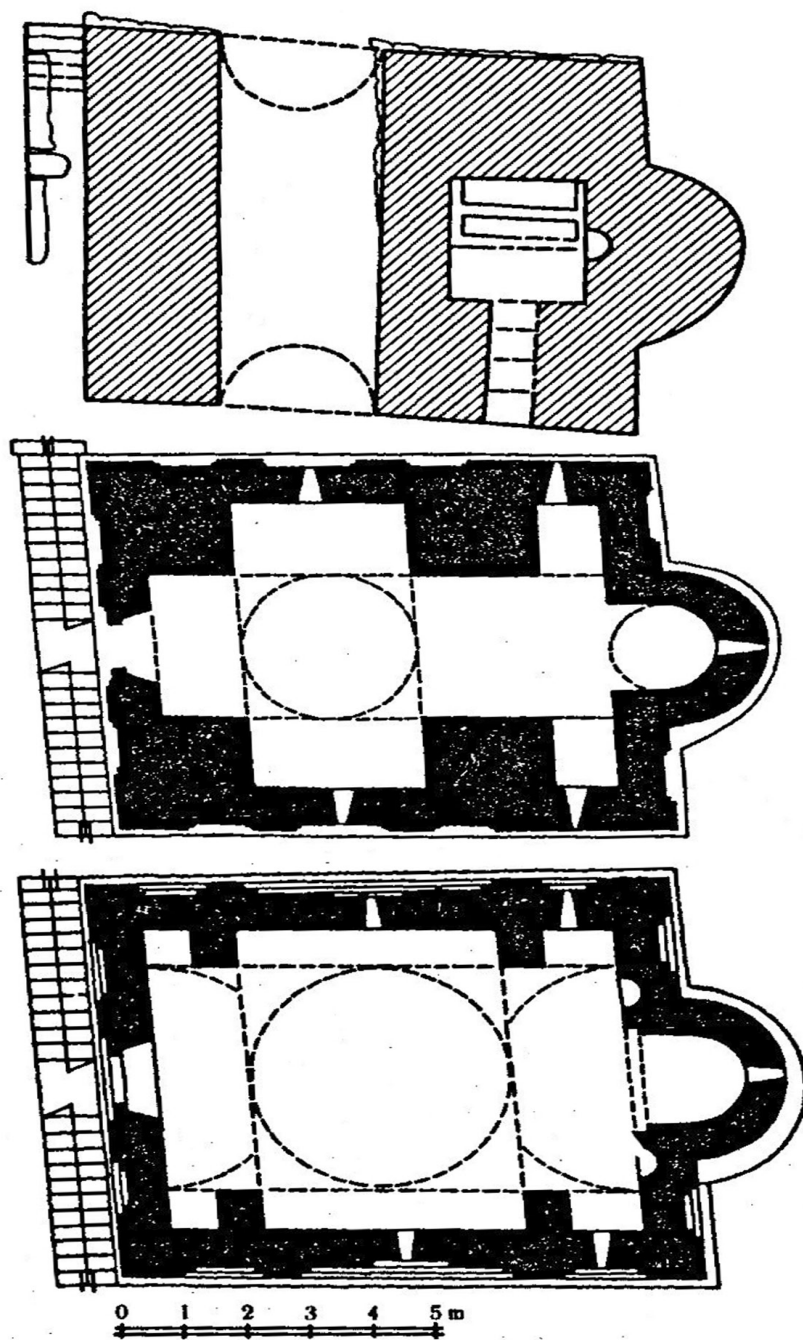

Рис. 4. План ворот и гипотетические планы церкви № 5 в Пернике [по: 11, фиг. 88].

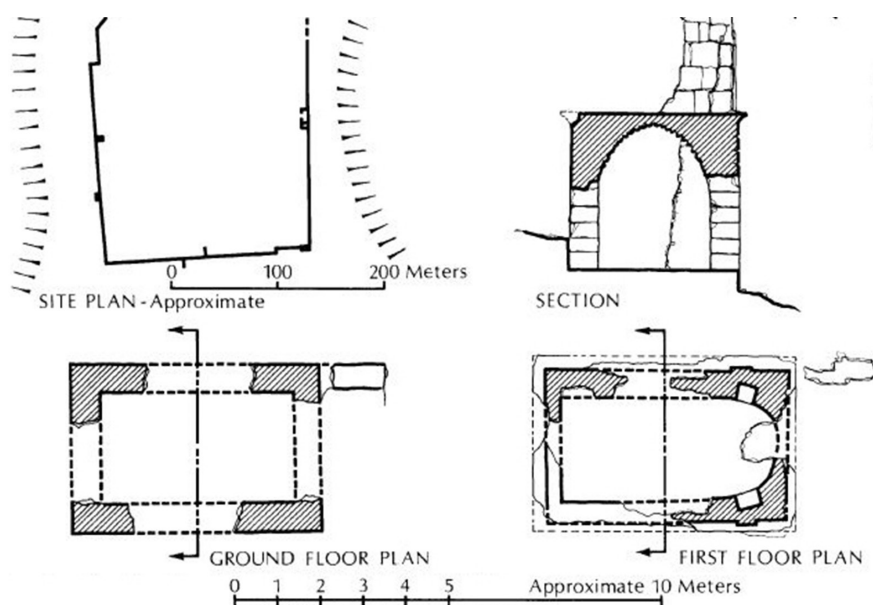

Рис. 5. План Сирменского монастыря с указанием места ворот, план северных ворот, план по уровню северной надвратной церкви, поперечный разрез северных ворот и храма [по: 14, fig. 115].

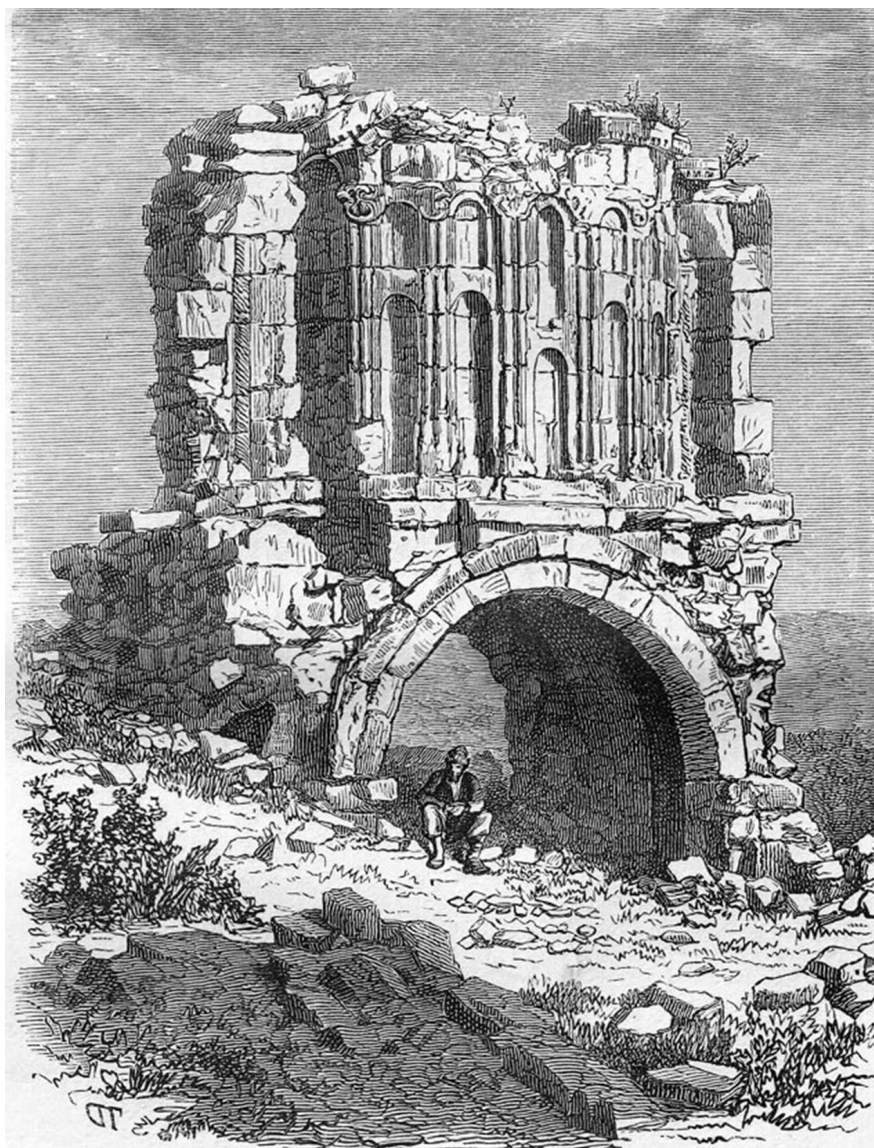

Рис. 6. Надвратная церковь Варзахана, вид с юго-востока [с гравюры Т. Дейролля].

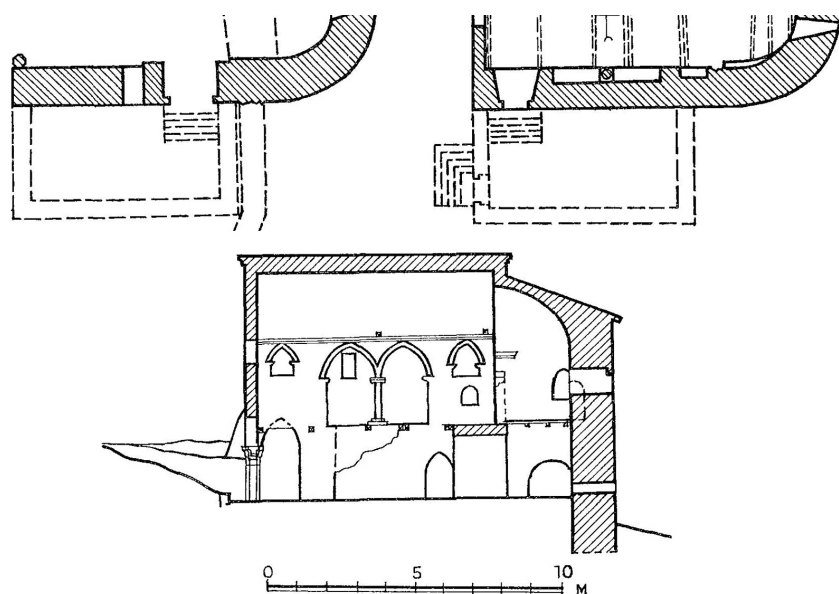

Рис. 7. План ворот и план и разрез надвратного храма в крепости Фуна
[по: 3, рис. 9,9; 10,1].